
Ю. Манн

Мертвые души [История создания и публикации]

Первый том впервые опубликован в 1842 году отдельной книгой: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя».

Начало работы над поэмой датируется 1835 годом. В письме к Пушкину от 7 октября 1835 — в том же письме, в котором Гоголь просил дать ему сюжет для будущего «Ревизора», — содержатся и первые сведения о «Мертвых душах»:

«Начал писать “Мертвых душ”. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Гоголь, сообщая Пушкину об уже известном ему замысле, как бы продолжает начатый разговор.

Впоследствии в «Авторской исповеди» Гоголь указал, что сама идея нового произведения подсказана была Пушкиным:

«Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение! Это просто грех!” Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за Дон-кишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет “Мертвых душ”».

Описанный разговор мог произойти до 7 октября 1835 года.

По мнению Пушкина, продолжает Гоголь, «сюжет М(ертвых) д(уш) хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров». Этому вполне соответствуют сведения, содержащиеся в упомянутом письме к Пушкину: Гоголь строит сюжет именно так, чтобы «изъездить» почти «всю Русь» и вывести множество характеров; за отсутствием прототипа для одного из них — для «ябедника» — действие остановилось пока на третьей главе.

Есть мемуарные свидетельства о том, что внимание Пушкина действительно привлек случай аферы с мертвыми душами. П. Бартнев в примечаниях к воспоминаниям В. Соллогуба писал:

«В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось. “Из этого можно было бы сделать роман”, — сказал он между прочим. Это было еще до 1828 года».

Но как и при написании «Ревизора», на Гоголя могли оказывать воздействие и другие источники: известно множество случаев мошенничества с «мертвыми душами». Один из них, как вспоминала дальняя родственница писателя М. Анисимо-Яновская, произошел в Миргородчине и был хорошо известен Гоголю.

По более позднему утверждению Гоголя (в «Четырех письмах к разным лицам по поводу «Мертвых душ», письмо 3), первоначальные наброски поэмы были выдержаны в несколько иных, более мрачных тонах, персонажи ее напоминали «чудовищ».

Необходимость изменения такой трактовки Гоголь почувствовал после чтения поэмы у Пушкина.

«...Когда я начал читать Пушкину первые главы из М(ертвых) д(уш) в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!” Меня это изумило... С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести Мертвые души. Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их...»

Однако сохранившиеся рукописи поэмы (первую из которых датируют 1836–1839) не подходят под то описание, которое Гоголь дал первоначальной редакции. Эти рукописи ближе уже к окончательному тексту. Не сохранилось также никаких других свидетельств об упомянутом чтении первоначальной редакции Пушкину.

Начатую в Петербурге работу над «Мертвыми душами» Гоголь возобновил осенью 1836 в Веве (Швейцария).

«Все начатое переделал я вновь, – сообщает он В. Жуковскому 12 ноября, – обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее. Если совершу это творение так, как нуж(но) его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет!»

С уяснением «плана» определился и объем содержания нового произведения, которое должно быть посвящено уже не только темным сторонам русской жизни; вместо изображения Руси «с одного боку» Гоголь теперь говорит о том, что «вся Русь явится в нем». Изменилось также представление о жанре будущего произведения. В упомянутом письме Жуковскому «Мертвые души» названы уже не романом (как в письме к Пушкину), а поэмой. О тех же изменениях свидетельствуют строки письма к М. Погодину от 28 ноября 1836:

«Вещь, над которой сижу и тружусь теперь... не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов... Если бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем».

Письма Гоголя этой поры к знакомым и к родным изобилуют просьбами сообщить ему разные сведения по части «каких-нибудь казусных дел», особенно «могущих случиться при покупке мертвых душ». «Сообщите об этом Пушкину, – просит Гоголь Жуковского, – авось-либо и он найдет что-нибудь о своей стороны». Весь этот материал нужен для продолжения поэмы.

В феврале 1837 в Париже Гоголь узнает о гибели Пушкина.

«Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним, – пишет Гоголь П. Плетневу из Рима. – Ничего не предпринимал я без его совета... Нынешний труд мой, внушенный им, его создание...»

Гоголь рассматривает теперь «Мертвые души» как «священное завещание» Пушкина.

К концу 1840 работа над первым томом была в основном закончена, и Гоголь стал готовить его к печати. В декабре он сообщает из Рима С. Аксакову:

«Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе...»

Переписывать поэму помогали В. Панов, родственник Аксаковых, сопровождавший Гоголя в его поездке в Италию, и позднее П. Анненков. Последний оставил яркий рассказ о том, как происходила переписка поэмы в Риме летом 1841 года.

«Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку... весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома “Мертвых душ” приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета».

Иногда чтение прерывалось какими-нибудь «орфографическими заметками» переписчика.

«Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова «щекатурка» — употребил «штукатурка». Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?» — «Да правильнее, кажется». Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон... и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу... сказав: «А за науку спасибо»».

Правильность свидетельства Анненкова подтверждается тем, что в черновых редакциях действительно несколько раз встречается написание «щекатурка», замененное в окончательном тексте на «штукатурка».

Когда была переписана «Повесть о капитане Копейкине», вызвавшая в авторе чувство явного удовлетворения, Анненков выразил сомнение, увидит ли она когда-нибудь печать. «Печать — пустяки, — отвечал Гоголь с самоуверенностью, — все будет в печати».

«Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художественную естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной шестой главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: «Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью». Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: «Поверьте, что и другие не хуже ее»».

В октябре 1841 Гоголь через Петербург возвратился в Москву для окончательной переписки и печатания «Мертвых душ».

7 декабря Гоголь передал рукопись цензору И. Снегиреву, попросив его высказать мнение: пропустит ли ее Московский цензурный комитет.

О событиях, разыгравшихся на заседании комитета, Гоголь сообщил впоследствии П. Плетневу:

«Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название «Мертвые души», закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертия». Разъяснение, что речь идет о ревизских душах, еще больше обеспокоило цензоров: «...уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права». Не помогло и заступничество читавшего рукопись Снегирева. При этом наряду с «цензорами-азиатцами» возражали и «цензоры-европейцы»; один из них, профессор римского права в Московском университете Н. Крылов, говорил: «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков... цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу... Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет»».

Опасаясь запрещения рукописи, Гоголь забрал ее из Московского цензурного комитета и передал направлявшемуся в Петербург Белинскому. Гоголь рассчитывал, что в столице помощь В. Одоевского, Плетнева, Никитенко облегчит «Мертвым душам» путь в цензуре. И действительно: 9 марта поэма с небольшими поправками была разрешена к печати, но — без «Повести о капитане Копейкине». «Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина, — сообщил 1 апреля Гоголю Никитенко, который цензуровал рукопись, — ничья власть не могла защитить его от гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать».

Гоголь, однако, решил во что бы то ни стало сохранить «Повесть». Без нее, писал он Никитенко, в поэме останется «прореха», которую ничем нельзя «залатать». «...Кусок этот необходим не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим...» Гоголь переделывает повесть, так сказать, понижая ее персонажей в ранге: вельможа, генерал становится просто «начальником»; среди находившихся у него просителей не упомянуты генералы («Я выбросил весь генералитет», — сообщает Гоголь Плетневу); снято даже название «Дворцовая набережная», чтобы избежать ассоциаций с находившимися здесь Зимним дворцом и дворцами виднейших сановников. В характере Копейкина оттенены такие качества, как строптивость, привередливость. Гоголь соглашается даже изменить имя героя

(«Если имя Копейкина их остановит, то я готов его назвать Пяткиным и чем ни попало», – пишет он Н. Прокоповичу), опасаясь, видимо, ассоциаций с известным в то время фольклорным образом разбойника Копейкина. Однако необходимости в этой мере не возникло; измененная редакция повести была разрешена к печати (в современных изданиях в тексте поэмы печатается доцензурная редакция).

Цензура изменила и название поэмы: рукою Никитенко красными цензорскими чернилами над заглавием «Мертвые души» было надписано — «Похождения Чичикова, или».

Пока набиралась книга, Гоголь сам нарисовал для нее обложку. Эта обложка интересна как пример явно гротескного орнамента, совмещающего в причудливых сочетаниях предметы повседневного быта, фигурки людей и животных, а также — в большом количестве — человеческие черепа. Предложенное Гоголем изобразительное решение обложки, с одной стороны, соответствовало самому гротескному содержанию поэмы, а с другой — вело к древним традициям настенного гротескного орнамента с его причудливым объединением деталей неживой природы, растительного, животного и человеческого мира.

К концу мая книга вышла из печати. Общественный интерес, разбуженный еще чтениями отдельных глав (начиная, по крайней мере, с лета 1837, Гоголь многократно читал отрывки из поэмы в различных домах), подогретый слухами о цензурных осложнениях, весь сконцентрировался на новом творении Гоголя. «Все литературные интересы, все журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголе», – констатировал Белинский.